

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА И ЛИНГВИСТА-АНАЛИТИКА: КОМПЕТЕНЦИИ, МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Е. И. Галяшина

Московский государственный юридический
университет им. О. Е. Кутафина, Москва
egalyashina@gmail.com

Аннотация. В статье осуществляется попытка развести юридическую сферу судебно-экспертной деятельности эксперта-лингвиста и аналитическую сферу деятельности лингвиста-аналитика. На основе анализа заключений лингвистов, не являющихся профессиональными экспертами, автор показывает, как игнорирование специфики практической деятельности по организации и производству судебной лингвистической экспертизы и ее смешение с научно-исследовательской аналитической деятельностью приводит к процессуальным и деятельностным ошибкам, влекущим несостоятельность результатов лингвистического исследования.

Ключевые слова: Лингвистическая экспертиза, судебно-экспертная деятельность, эксперт-лингвист, лингвист-аналитик, методы и средства, объекты, доказательства.

The distinction between the forensic linguist activity and scientific activity of linguist analyst: competencies, methods and technologies

E. I. Galyashina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow
egalyashina@gmail.com

Abstract. Forensic linguistic expertise is one of the most intensively and extensively developing areas of forensic activity. The

profession of forensic linguist has gained exceptional popularity in recent years in Russia due to the high demand in the market of expert services. Forensic linguistic expertise has entered a new phase, where its theoretical achievements and practices are critically reviewed by the law enforcement. Expert linguists' reports are analyzed based on the linguist's competence, qualification and professional skills. The purpose of this paper was an attempt to separate the legal sphere of forensic expert activity from the analytical sphere of the linguist-analyst. The author believes that a modern highly qualified linguist working in the field of forensic activities must have dual competence: have knowledge in both linguistics and jurisprudence (forensic expertology) and be able to efficiently apply expert linguistic methods in legal proceedings. Practical activities in the field of forensic linguistic expertise are scientifically based and build on achievements in a number of scientific domains, including linguistics, semiotics, forensic speech, forensic expertise, criminology and other legal sciences. But forensic experts and expert institutions apply all these achievements, methods and means not to discover new linguistic facts, create a theory, or test scientific hypotheses, but to gain evidence in criminal and civil cases. The activity of the forensic linguist, though similar to scientific linguistic research, differs from it by a number of essential features inherent in practical activities. The forensic linguist uses the same methods as in scientific research in full conformity to the requirements of legality, ethical standards, principles of forensic activity, and rules of evidence collection and handling.

Keywords. Linguistic expertise, forensic activities, expert linguist, linguist analyst, methods and tools, objects, evidence.

1. Введение. Постановка проблемы

Сегодня в сфере судопроизводства судебная лингвистическая экспертиза, входящая в класс судебных речеведческих экспертиз, — одно из наиболее интенсивно и экстенсивно развивающихся направлений судебно-экспертной деятельности. Потребность правоприменителя в использовании специальных знаний в лингвистике обусловлена многочисленными информационными и документационными спорами, конфликтами, деликтами, совершаемыми как посредством речевой деятельности, так и в отношении результатов словесного творчества — интеллектуальной собственности.

Речевые произведения, порождаемые в процессе коммуникации людей во всех сферах общественных отношений, выступающие в качестве объектов судебно-лингвистического исследования, обладают статусом вещественных доказательств и / или документов, требуя особых правил обращения при их исследовании.

Профессия эксперта-лингвиста (forensic expert-linguist) в последние годы в России приобрела исключительную популярность в силу высокой степени востребованности на рынке экспертных услуг. Однако реалии судебной и экспертной практики показывают, что заключение эксперта-лингвиста оценивается сегодня довольно придирчиво и критически как с точки зрения его содержания, так и с точки зрения компетенции эксперта, соответствия направления, уровня и профиля его образования предъявляемым к судебному эксперту-лингвисту квалификационным и профессиональным требованиям. Это объясняется, с одной стороны, интуитивной доступностью для понимания просвещенным носителем русского языка содержательно-смысловой, прагматической направленности конфликтно-генных и криминогенных текстов, а с другой — высокой степенью общественного резонанса, возникающего вокруг или в связи с речевыми деликтами, к которым приковывается особое внимание средств массовой коммуникации, пользователей социальных сетей и широкой общественности из-за страха ограничения свободы слова или боязни преследования за критику. Поскольку за сказанные или написанные слова может наступить гражданско-правовая или уголовно-правовая ответственность, возрастает и значение результатов деятельности судебных экспертов-лингвистов при производстве судебной лингвистической экспертизы.

Название «судебная лингвистическая экспертиза» прочно закрепилось в теории и практике судопроизводства, разработаны теоретические подходы к частной теории судебной лингвистической экспертизы. Тем не менее однозначного понимания разграничения компетенций, методов и лингвистических технологий, используемых в ходе научно-практического исследования языка и речи и применяемых в ходе практической судебно-экспертной деятельности при производстве судебной лингвистической экспертизы, не выработано в экспертно-лингвистической среде по сей день. Целью настоящей работы была попытка развести юридическую сферу судебно-экспертной деятельности эксперта-лингвиста и аналитическую сферу деятельности лингвиста-аналитика.

2. Феномен генезиса судебной лингвистической экспертизы

Судебная лингвистическая экспертиза на современном этапе ее развития вступила в новую фазу, которая может быть охарактеризована как ревизия достигнутых теоретических высот и практического базиса вследствие критической оценки правоприменителем ее результатов [Галяшина 2017а]. В теории и практике судебной лингвистической экспертизы сегодня со всей очевидностью назрела потребность в уточнении понятийного аппарата, роли и места судебной лингвистической экспертизы в классификации судебных экспертиз, переосмыслении существующих методических разработок и компетенций эксперта-лингвиста. По нашему мнению, судебная лингвистическая экспертиза в настоящее время переживает определенный кризис, прежде всего, в умах лингвистов — «кабинетных ученых», порождая существенные недочеты и серьезные ошибки в экспертной практике, резонирующие в практике судебных решений. Этот кризис, на наш взгляд, требует скорейшего разрешения, прежде всего, на основе закономерностей современной судебной экспертологии как научного фундамента экспертно-лингвистической практики [Судебная экспертология 2017]. К числу конфликтогенных проблем, порождающих различные, а иногда и прямо противоположные взгляды на основные понятийные категории судебной лингвистической экспертизы (предмет, объекты, цели и задачи, методы и методики, компетенции субъекта судебной лингвистической экспертизы) относится и вопрос о специфике профессиональной деятельности судебного эксперта-лингвиста, ее существенные отличия от деятельности лингвиста-аналитика [Баранов 2007, Баранов 2016, Бринев 2009; Галяшина 2017b, Кусов 2011, Чернышова 2012a, Чернышова 2012b, Чернышова 2015 и др.].

Напомню, что судебная лингвистическая экспертиза возникла в самом начале 2000-х. На пике становления молодой российской демократии в силу острой потребности, с одной стороны, в защите гласности и свободы средств массовой информации, а с другой — в защите каждого человека и гражданина от речевой агрессии и злоупотребления свободой слова, становление судебной лингвистической экспертизы носило феноменально экстенсивный характер, причем оно шло от практики к теории. Именно на основе обобщения богатого, но разрозненного эмпирического материала, накопленного учеными-лингвистами, преподавателями филологических

вузов, собранного при использовании специальных знаний для оказания помощи юристам в разрешении многочисленных документационных споров и конфликтов, сформировались первые методические подходы к решению наиболее часто возникавших на практике экспертных задач в целях разрешения диффамационных споров и конфликтов [Цена слова 2002, Галяшина 2003b].

Лингвистическая экспертиза в 2005–2006 гг. прочно заняла свое место в ведомственных классификаторах МВД, Минюста и ФСБ России, оформившись как самостоятельный род судебных экспертиз [Галяшина 2002; 2003а; 2008]. Однако многие государственные судебные эксперты в то время оказались не готовы решать возникающие в правоприменительной практике сложные диагностические задачи семантического исследования многообразных продуктов речевой деятельности. В то же время привлекаемые для проведения судебных экспертиз филологи (лингвисты), не будучи профессиональными экспертами, также испытывали трудности в освоении новой для них сферы судебно-экспертной деятельности.

За прошедшие полтора десятка лет активная экспансия филологов-аналитиков в сферу судопроизводства обострила проблему разграничения научно-аналитического языковедческого исследования и практической деятельности по производству судебной экспертизы. Должная дифференциация, на наш взгляд, ориентирует правоприменителя при выборе эксперта, будет способствовать эффективной и адекватной оценке достоверности заключения эксперта-лингвиста, поможет проверить наличие у лица, которому поручается производство судебной лингвистической экспертизы, надлежащих компетенций, определяющих пределы экспертной специальности по судебной лингвистической экспертизе, облегчит оценку допустимости для целей судопроизводства примененных экспертом лингвистических методов и методик, а также поможет экспертам-лингвистам строже следовать правилам обращения с речевыми следами как объектами судебной лингвистической экспертизы.

3. Понятие и специфика судебной лингвистической экспертизы

Понятие лингвистическая экспертиза (*эксперт* от лат. — ‘знающий по опыту, опытный; испытанный, изведанный’) довольно часто сегодня используется в лингвистической науке и практике для

обозначения разнообразных языковедческих исследований, требующих использования профессиональных лингвистических компетенций (знаний, навыков и умений). Результаты лингвистической экспертизы могут быть получены экспериментальным, опытным путем с помощью лингвистического инструментария — методов и средств исследования системы языка и его элементов.

Однако *судебная лингвистическая экспертиза* — это специфическая экспертиза, она отличается от других так называемых лингвистических экспертиз своим особым процессуальным статусом, детерминирующим специфику требований, предъявляемых к лингвисту как субъекту судебного экспертного исследования, к продуктам речевой деятельности, имеющим статус вещественных доказательств и / или документов, как объектам судебной экспертизы, а также к применяемым для их исследования методам.

Судебная лингвистическая экспертиза — процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом-лингвистом по вопросам, разрешение которых требует специальных лингвистических знаний и которые поставлены перед экспертом-лингвистом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. По результатам лингвистического исследования эксперт-лингвист составляет письменное заключение эксперта, которое является одним из предусмотренных законом источников доказательств, а содержащиеся в нем фактические данные — доказательствами. При этом специальные лингвистические знания, базируясь на лингвистике как материнской науке, не ограничиваются и не исчерпываются только ею. Они прирастают криминалистическими знаниями об идентификационно и диагностически значимых свойствах речевых произведений, образующих состав правонарушений, релевантных для решения экспертных задач.

Между лингвистической экспертизой и судебной лингвистической экспертизой имеется обманчивое сходство, которое определяется использованием знаний из науки о языке. Однако далеко не любое лингвистическое исследование может именоваться «судебная лингвистическая экспертиза».

Судебную лингвистическую экспертизу от иных лингвистических аналитических и практических исследований (несудебных экспертиз) отличают следующие признаки:

— отбор материалов, подготовка и направление на экспертизу продуктов речевой деятельности, назначение и проведение лингвистического исследования и дача заключения эксперта жестко регламентированы специальным правовым регламентом, нарушение которого влечет недопустимость заключения эксперта как доказательства;

— деятельность судебного эксперта-лингвиста в сфере судопроизводства четко определена правовыми рамками, определяющими его компетенцию и компетентность в пределах экспертной специальности по исследованию продуктов речевой деятельности; выход лингвистического исследования за пределы экспертной специальности влечет необоснованность и несостоятельность сделанных экспертом выводов;

— пределы экспертной специальности определены видовым делением судебной лингвистической экспертизы в рамках ведомственных классификаторов судебных экспертиз и объемом основной и дополнительных программ профессиональной подготовки судебного эксперта-речевода;

— дача экспертом-лингвистом письменного заключения, имеющего статус доказательства, оцениваемого правоприменителем по критериям относимости, допустимости, достоверности, достаточности и непротиворечивости в совокупности всех собранных по делу доказательств.

4. Деятельность судебного эксперта-лингвиста vs деятельность лингвиста-аналитика

Судебно-экспертная деятельность, в соответствии с положениями Федерального закона № 73-ФЗ от 31.05.2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», состоит в организации и производстве судебной экспертизы и осуществляется в процессе судопроизводства государственными судебными экспертами и иными лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами. К последним применительно к судебной лингвистической экспертизе относятся: частные эксперты, работники негосударственных судебно-экспертных учреждений, государственных и негосударственных не экспертных организаций, работники образовательных,

научно-исследовательских и иных организаций, имеющие высшее образование и дополнительное профессиональное образование по экспертной специальности, соответствующей конкретному виду судебной лингвистической экспертизы.

Деятельность лингвиста, производящего судебную экспертизу текста, обладающего определенным процессуальным статусом (приобщенного к материалам дела вещественного доказательства или документа), существенно отличается от деятельности лингвиста, исследующего, казалось бы, тот же самый текст, но вне какой-либо связи с судопроизводством. Отличия эти носят сущностный характер, начиная с того, что коммуникативная ситуация, зафиксированная в материалах уголовного, гражданского дела или дела об административном правонарушении, формирует индивидуально-конкретный контекст порождения исследуемого речевого произведения, который находится вне ведения лингвиста, не допущенного до материалов дела без специального статуса эксперта. Лингвист-аналитик рассуждает на уровне теоретических обобщений наблюдений о языке и речи, абстрагируясь от индивидуально-конкретных условий порождения конфликтогенного или криминогенного текста, тогда как эксперт-лингвист не может выйти за рамки этой конкретики.

В широком смысле слова деятельность определяется как специфический для человека способ отношения к внешнему миру, состоящий в преобразовании и подчинении его человеческим целям. Фундаментальным и определяющим видом деятельности является труд, основные характеристики которого присущи предметной деятельности. По своему содержанию деятельность есть производство материальных и духовных благ, форм общения людей, преобразования общественных условий и отношений, развития самого человека, его способностей, умений, знаний [Большой экономический словарь 2004: 198].

Судебно-экспертная деятельность лингвиста основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Эти принципы являются всеобщими, не имеющими каких-либо исключений. Правовой основой деятельности судебного эксперта-лингвиста являются, помимо упомянутого выше

Федерального закона № 73-ФЗ, Конституция Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, законодательство Российской Федерации о таможенном деле, Налоговый кодекс Российской Федерации, законодательство в сфере охраны здоровья, другие федеральные законы, а также нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, регулирующие организацию и производство судебной экспертизы.

В монографии [Комиссарова 2010] отмечается, что существует обособленный вид общественно-полезной деятельности, который в судопроизводстве целесообразно обозначить термином «судебно-экспертная деятельность». Делается вывод о том, что экспертную деятельность сотрудников государственных и негосударственных экспертных учреждений можно рассматривать как трудовую деятельность, а иных лиц, выполняющих экспертизы, — как занятия. При этом деятельность первых лиц можно относить к профессиональной деятельности, и выделить отдельную профессию — судебного эксперта. Мы полагаем, что деятельность судебного эксперта-лингвиста можно рассматривать как труд, который требует специальной профессиональной подготовки.

Деятельность лингвиста — судебного эксперта по организации и производству экспертизы детерминирована спецификой судопроизводства и потому может осуществляться строго при условии точного исполнения требований нормативных правовых актов, составляющих правовую основу судебно-экспертной деятельности. Нарушение закона при осуществлении судебно-экспертной деятельности недопустимо и влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. Аналитическая деятельность лингвиста-аналитика, не скованная жесткими процессуальными рамками кодифицированных законодательных и иных нормативных правовых актов, может носить инициативный, эвристический, поисковый, изыскательский, экспериментальный, а иногда и провокационный характер.

Деятельность эксперта-лингвиста нацелена на применение уже имеющихся, апробированных знаний о языке и речи для целей

судопроизводства (для установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств).

Деятельность же лингвиста-аналитика направлена на поиск, получение и применение новых знаний о языке в целях развития лингвистической науки как учения о языке, исследующего закономерности его структуры, функционирования и развития, включая сравнение отдельных языков для выявления генетических и типологических связей между ними.

Объекты судебно-экспертного и аналитико-лингвистического исследования также имеют существенные отличия, несмотря на их общую языковую природу. Так, объектами судебно-экспертного лингвистического исследования могут выступать только продукты речевой деятельности (устной или письменной), обладающие свойствами текста, произведенные в конкретно-определенной коммуникативной ситуации и зафиксированные на материальном носителе. Объем, жанровая характеристика, тематика или функционально-стилистическая принадлежность текста важны для выбора экспертом оптимальных методов исследования, но для установления пригодности или непригодности текста для проведения лингвистической экспертизы — особого значения не имеют. Существенными свойствами для установления факта негодности (непригодности) продукта речевой деятельности для проведения судебной лингвистической экспертизы является фрагментарность, несвязность, отрывистость, частичность, невнятность, компилятивность речевого продукта., т. е. несоответствие представляемого на экспертизу материала критериям текста, определяющим его структурированность, связность, целостность, завершенность, семантическую определенность и т. д. Другой важной особенностью текста как конкретно-определенного объекта судебно-экспертного исследования является его уникальность, неповторимость, незаменимость и невозполнимость как речевого следа, содержащего информацию об отраженном в нем коммуникативном событии, являющемся источником доказательств. В этой связи законодательно закреплен принцип непосредственности исследования вещественного доказательства как объекта экспертизы, а также запрет на видоизменение объекта судебной экспертизы при проведении его экспертного исследования без специального на то разрешения субъекта доказывания. При проведении исследований вещественные доказательства и документы с разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу, могут быть

повреждены или использованы только в той мере, в какой это необходимо для проведения исследований и дачи заключения. Указанное разрешение должно содержаться в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы либо соответствующем письме.

Лингвист-аналитик может сам находить, собирать, экспериментально создавать объекты для своего научного исследования. Однако судебный эксперт-лингвист не вправе самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы. Применительно к объектам судебной лингвистической экспертизы это означает, что эксперт не вправе объединять несколько текстов, продуцированных в разное время и при разных коммуникативных условиях в один «квазитекст», исследовать слова и выражения вне контекста, самостоятельно отбирать из материалов дела текстовые объекты для проведения экспертизы, принимать в качестве объекта экспертизы языковые знаки, слова и выражения, речевые обороты и иные единицы языка, которые не зафиксированы непосредственно в процессе их порождения на материальном носителе, либо даны в изложении, записаны со слов третьих лиц и т. п.

Так, например, объектом судебной лингвистической экспертизы не могут являться искусственно модифицированные вербальные элементы с видоизменением контекста их реализации, компиляции реплик диалогов, а также созданные путем объединения в «сложный отдельный текст» диалоги, записанные на фонограммах при разных ситуациях коммуникации, словесные элементы, вычлененные из комбинированного словесного и изобразительного обозначения (креолизованного текста), сообщения в социальных сетях, мессенджерах и иных коммуникаторах, носящие фрагментарный, отрывистый характер, гипертекстовые ссылки в интернет-коммуникации, не развернутые полностью при проведении нотариального осмотра контента интернет-сайта, показания допрашиваемого, записанные в протоколе допроса не дословно, а со слов допрашиваемого лица, показания в протоколе допроса, записанные с «чужих слов» и т. д. В противном случае не будет соблюден принцип непосредственности исследования речевого материала как объекта судебной экспертизы, нарушены правила обращения с текстом как вещественным доказательством и / или документом.

Однако указанные достаточно жесткие требования вовсе не распространяются на деятельность лингвиста-аналитика, выступающего в качестве консультанта или специалиста, поскольку разъяснения

и консультации в судопроизводстве даются без исследования конкретно-определенного объекта, а касаются многообразных языковых явлений, типичных или наоборот экзотичных, маргинальных для языка и его речевой реализации. Поэтому в тех случаях, когда правоприменителю необходимо получить ответы на вопросы, например, о том, какие типы лексики относятся к оскорбительным разрядам в современном русском языке, или какими способами в языке и речи может выражаться агрессия, какие наименования в языке являются неприличными, неэтичными и т. п., какие слова входят в систему литературного языка, а какие являются жаргонизмами, что означает в современном русском языке тот или иной фразеологический речевой оборот, арготизм, диалектизм или жаргонизм и т. п., он вправе прибегнуть к помощи лингвиста-аналитика, который в форме устной или письменной консультации либо заключения специалиста квалифицированно и профессионально разъяснит указанные вопросы, относящиеся к сфере лингвистической науки или речевой практике, существующей на текущий момент времени или существовавшей ранее — в определенный исторический период. Назначать и проводить судебную лингвистическую экспертизу в таких случаях нельзя, т. к. невозможно материализовать абстрактно изучаемое языковое явление в определенно конкретную ситуацию его речевого воплощения в контексте.

Можно сформулировать следующие основные отличия деятельности лингвиста, выступающего в процессуальном качестве судебного эксперта, от деятельности лингвиста, осуществляющего научные, аналитические исследования:

— судебно-экспертное лингвистическое исследование по своей гносеологической сущности представляет собой разновидность познания объективной действительности, осуществляемого путем применения методов различных наук, предметом изучения которых является язык и его функционирование в речи (лингвистика, речеведение, теория речевых актов, семиотика, ономастика и др.);

— деятельность судебного эксперта-лингвиста по исследованию речевых произведений как вещественных доказательств при производстве судебной лингвистической экспертизы только внешне схожа с научным лингвистическим исследованием, отличается от него рядом существенных особенностей, присущих практической деятельности;

— практическая деятельность в области судебной лингвистической экспертизы является научно-обоснованной и использует

положения ряда наук, в том числе лингвистики, семиотики, судебного речеведения, судебной экспертологии, криминалистики и иных правовых наук; «но эти положения, научные методы и средства используются в деятельности судебных экспертов и экспертных учреждений не для открытия новых законов и закономерностей природы и общества, не для установления научных фактов, не для создания теории и проверки научных гипотез, а для решения практических задач по установлению истины по уголовному, гражданскому делу, делу об административном правонарушении» [Россинская 2014: 120–121];

— в практической деятельности эксперта-лингвиста по исследованию речевых произведений (речевых следов) как вещественных доказательств могут применяться те же лингвистические методы, что и в научном исследовании, если их использование не противоречит требованиям законности, этическим нормам, принципам судебно-экспертной деятельности, закономерностям судебной экспертологии, правилам работы с доказательствами, т. е. методы и методики отвечают принципу допустимости в его общей форме.

Деятельность лингвиста-аналитика может носить как процессуальный характер в форме консультации или участия специалиста в судопроизводстве или непроцессуальный аналитико-исследовательский характер. В первом случае лингвист не проводит никаких исследований речевых произведений (материалов), но дает устные и / или письменные консультации (разъяснения, пояснения, толкования) по вопросам, относящимся к специальным знаниям в области лингвистики, может оказывать содействие субъекту доказывания в оценке заключения эксперта-лингвиста. Во втором случае, когда деятельность лингвиста-аналитика осуществляется вне сферы судопроизводства (несудебные экспертизы, исследования), он не связан какими-либо процессуальными рамками и волен выполнять научно-практические лингвистические исследования, руководствуясь научной этикой и своими морально-нравственными нормами, оставаясь тем не менее в рамках правового поля, которое регулирует отношения правопорядка и правосознания любого гражданина. Результаты такого несудебного исследования, будучи изложенными в письменной форме (форма, содержание и структура нормативно не регулируются), могут как иметь, так и не иметь статус иного письменного доказательства по усмотрению правоприменителя [Судебно-экспертная деятельность 2017].

Одно и то же физическое лицо, обладающее необходимыми специальными знаниями, может выступать в различных статусах и выполнять различные роли, действуя и как лингвист-аналитик (специалист), и как эксперт-лингвист. Главное — эти роли не смешивать, допуская процессуальные и организационные ошибки, влекущие ничтожность результатов деятельности как эксперта-лингвиста, так и лингвиста-аналитика.

Проиллюстрируем пагубность подобного смешения на примере из практики рецензирования заключений экспертов специалистами негосударственного экспертного учреждения, условно названного нами АНО «Лингвознав».

Так, по уголовному делу была назначена судебная лингвистическая экспертиза, которая, как это видно *из постановления следователя*, вынесенного 16 ноября 2017 года, была поручена некоммерческой организации АНО «Лингвознав». Следует отметить, что в постановлении о назначении судебной лингвистической экспертизы было указано только наименование организации, которой поручается ее производство, а фамилии, имена, отчества конкретных экспертов — работников этой организации — отсутствовали. По всей видимости, следователь исходил из того, что АНО «Лингвознав» (будучи некоммерческой организацией по своей организационно-правовой форме) является негосударственным судебно-экспертным учреждением, а потому в постановлении о назначении экспертизы достаточно указать только наименование организации.

Понятие негосударственного судебно-экспертного учреждения разъяснено высшими судебными инстанциями в п. 2 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», к ним относятся некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (последняя редакция), осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с их уставами.

Однако в уставных документах АНО «Лингвознав» основной вид деятельности именован как «Научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук». Также зарегистрированы 3 дополнительных вида деятельности, среди которых

судебно-экспертная деятельность или деятельность в области производства судебной экспертизы (69.10 Деятельность в области права) не значит.

В заключении эксперта № 17-Л отмечено, что лингвистическая экспертиза была проведена в экспертном учреждении, но сведения, позволяющие считать АНО «Лингвознав» таковым, также отсутствовали. В числе приведенных данных об «экспертном учреждении» указана лишь организационно-правовая форма некоммерческой организации, но ничего не сказано об ее основных видах деятельности. В то же время для приобретения правового статуса судебно-экспертного учреждения (организации) судебно-экспертная деятельность должна быть основным видом деятельности, предусмотренным уставом некоммерческой организации. В данном случае следовало поручить производство лингвистической судебной экспертизы конкретным экспертам — работникам названной организации.

В соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» производство судебной экспертизы может быть поручено лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в том числе сотруднику иной организации, обладающему специальными знаниями и имеющему в распоряжении необходимое экспертное оборудование, только в тех случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, невозможно производство судебной экспертизы в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности или надлежащей материально-технической базы либо специальных условий для выполнения исследований, а также при наличии обстоятельств, указанных в ст. 70 УПК РФ, т. е. в тех случаях, когда все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории не могут выступить в этом качестве. Поэтому суду (следовательно) надлежит предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства экспертизы в каком-либо негосударственном судебно-экспертном учреждении либо иной организации, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости

приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения.

Добавлю, что другой распространенной ошибкой является смешение функций по организации и производству судебной экспертизы в случаях ее осуществления вне государственного судебно-экспертного учреждения. В приведенном выше примере на основании постановления следователя о проведении лингвистической экспертизы в АНО «Лингвознав» была проведена комиссия лингвистическая экспертиза. Экспертизу осуществила комиссия экспертов в лице директора АНО «Лингвознав» и одного работника этой организации, имеющего стаж работы на момент проведения экспертизы 1 год, не имеющего свидетельства эксперта или сертификата, подтверждающего соответствие компетенций эксперта требованиям стандарта СТО-НСЭ-2016 при осуществлении судебно-экспертной деятельности по экспертной специальности конкретного вида лингвистической экспертизы.

Директор АНО «Лингвознав», будучи учредителем организации и одновременно лицом, осуществляющим административные функции, не наделен действующим законодательством правом назначать самого себя судебным экспертом, поручать самому себе производство экспертизы, самому себе разъяснять права и ответственность, предусмотренные ст. 57 УПК РФ. Это противоречило бы принципу независимости судебного эксперта. Директор данной организации, не обладающей признаками судебно-экспертного учреждения, также не обладал полномочиями поручать производство судебной экспертизы работнику организации, не поименованному в постановлении о назначении судебной экспертизы, и уж тем более не имеющему требуемых экспертной специальностью сертификатов соответствия, к тому же, как потом выяснилось, находившемуся в родственных отношениях с директором.

Таким образом, правовых (процессуальных) оснований для назначения членов экспертной комиссии, сформированной приказом директора АНО «Лингвознав», процессуальными правами и обязанностями судебного эксперта, не имелось. Правовые основания для проведения комиссионной судебной лингвистической экспертизы, которая следователем не назначалась, также отсутствовали.

В данном случае, коль скоро следователь хотел поручить экспертизу конкретным экспертам, работавшим в АНО «Лингвознав», он должен был предварительно убедиться в наличии у них

необходимых компетенций и в постановлении о назначении судебной экспертизы указать фамилии, имена, отчества экспертов, лично разъяснить каждому эксперту права и ответственность, предусмотренные ст. 57 УПК РФ.

Другой пример. На сайте одной региональной общественной организации выложен ряд заключений экспертов, где в разделе «Сведения об экспертном учреждении» приводится организационно-правовая форма юридического лица — общественное объединение. Далее указано, что свидетельство о регистрации общественного объединения выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве (указывается дата и номер регистрации). В самом заключении эксперта приводится фабула дела из определения о назначении экспертизы, где указывается, что «с учетом изложенного, суд считает возможным поручить проведение экспертизы экспертам региональной общественной организации, давшим предварительное согласие на проведение подобной экспертизы».

В завершении своего заключения эксперты-лингвисты констатировали: «Исследование проведено и оформлено в полном соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и действующими процессуальными кодексами РФ». Здесь, как мы видим, также допущено смешение деятельности по организации и производству судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении и лицами, не являющимися государственными судебными экспертами. Во-первых, деятельность общественного объединения или региональной общественной организации как юридического лица не входит в сферу регулирования Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Во-вторых, в силу указанного выше разъяснения Постановления Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» общественное объединение или региональная общественная организация не обладает правовым статусом государственного или негосударственного судебно-экспертного учреждения, а потому указание в заключении экспертов на сведения об «*экспертном учреждении*» вводит правоприменителя в заблуждение относительно реального статуса организации, провоцируя процедурные ошибки назначения экспертизы

лингвистам, состоящим в общественной организации, но не являющимся профессиональными судебными экспертами.

Нередко индивидуальные предприниматели или коммерческие организации выдают себя за негосударственные судебно-экспертные учреждения. Примером тому служат заключения обществ с ограниченной ответственностью, когда коммерческая организация, назовем ее условно ООО «Лингвистический экспертный центр», рекламирует и позиционирует себя как «экспертное учреждение», хотя цели и принципы судебно-экспертной деятельности несовместимы с основной целью предпринимательской деятельности — извлечением максимальной прибыли.

5. Компетенции, методы и технологии в судебной лингвистической экспертизе

Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к судебному эксперту, сформулированы в ст. 13 Федерального закона № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [Федеральный закон № 73-ФЗ 2001]. Законодатель указывает, что должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы.

Определение уровня квалификации экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Уровень квалификации экспертов подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые пять лет.

Квалификационные требования к негосударственным экспертам, касающиеся их образования и подготовки, должны быть такими же.

Это следует из системного и взаимосвязанного рассмотрения ст. 8 названного Федерального закона № 73-ФЗ, где говорится, что эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме (заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных), и ст. 41 того же закона, которая распространяет на судебно-экспертную деятельность лиц, производящих судебную экспертизу вне государственных судебно-экспертных учреждений и обладающих специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющихся государственными судебными экспертами, действие ст. 2, 3, 4, 6–8, 16 и 17, части второй ст. 18, ст. 24 и 25 упомянутого Федерального закона.

Экспертная специальность судебного эксперта-лингвиста включает совокупность компетенций (знаний, навыков и умений), необходимых и достаточных для проведения судебной лингвистической экспертизы в целях установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств, по конкретному уголовному, гражданскому делу или делу об административных правонарушениях [Галяшина 2016]. При этом набор компетенций, необходимый для различных видов, составляющих родовую классификацию судебной лингвистической экспертизы, может существенно различаться. Так, например, для исследования средств индивидуализации товаров и услуг, иных неймов как объектов судебной лингвистической экспертизы наименований («нейминговой экспертизы») требуются помимо фундаментальной лингвистической подготовки дополнительные профессиональные знания в области судебной экспертологии, в рамках которой разрабатываются специфические экспертные методы, учитывающие не только языковую специфику нейма как результата номинации, но и его криминалистическую составляющую [Соколова 2016: 91]. В то же время для исследования текстов экстремистской направленности лингвисту необходимы дополнительные знания в области судебного речеведения, законодательства о противодействии экстремистской деятельности, а также в области теории и практики судебной экспертизы [Подкатилина 2013: 50]. Важным является наличие у лингвиста (филолога) дополнительного профессионального образования (в форме переподготовки или повышения квалификации судебных экспертов по дополнительным

образовательным программам), отсутствие одного вызывает сомнения в наличии у языковеда или литературоведа, являющегося, например, преподавателем высшего учебного заведения, надлежащих компетенций (знаний, навыков и умений) по судебно-экспертной специальности, например, «Исследование продуктов речевой деятельности», по которой аттестуются государственные судебные эксперты Министерства юстиции РФ. Негосударственные судебные эксперты, осуществляющие нейминговую экспертизу, экспертизу рекламных текстов, результатов интеллектуальной деятельности, материалов экстремистской, диффамационной направленности и др. виды судебной лингвистической экспертизы, проходят добровольную сертификацию в НП «Палата судебных экспертов им. Ю. Г. Корухова» (г. Москва) [Судебная экспертология 2017].

В завершение хочется несколько слов сказать и о различии лингвистических методов, допустимых или не допустимых для использования в судебно-экспертной деятельности. Общие принципы допустимости метода или технологии в судебно-экспертном лингвистическом исследовании следующие:

1) принцип научной состоятельности метода, используемого при производстве судебной лингвистической экспертизы — это научная обоснованность метода, объективность и достоверность получаемого результата, надежность, воспроизводимость результатов, возможность их объективной проверки;

2) принцип законности; поскольку метод используется в сфере судопроизводства, он не должен видоизменять, подменять, модифицировать, повреждать, уничтожать объект исследования.

К числу недопустимых методов, видоизменяющих текст как объект судебно-экспертного исследования, относятся, в частности, методы ассоциативного эксперимента, синонимических преобразований, реферирования, объединения в «сложный отдельный текст» — СОТ, соединяющий в себе ряд устных или письменных текстов и некоторые другие [Галяшина 2017с].

6. Заключение

Современный высококвалифицированный лингвист, действующий в юридической сфере судебно-экспертной деятельности, должен иметь двойную компетенцию: обладать знаниями в области лингвистики и юриспруденции (судебной экспертологии), умениями

применять пригодные для судопроизводства экспертные лингвистические методы и средства, владеть языком судебного эксперта, обладать навыками применения экспертных методик (технологий). Частная теория судебной лингвистической экспертизы как самостоятельного рода судебных экспертиз разрабатывается в системе судебной экспертологии как юридической науки.

Судебный эксперт-лингвист, являющийся специалистом двойной компетенции, должен помимо знаний в материнских науках (филологии, лингвистике) и теории судебной экспертологии обладать глубокими юридическими знаниями, необходимыми для соотнесения и разграничения лингвистических фактов и правовых признаков речевого произведения, образующего состав правонарушения.

Судебно-экспертная деятельность лингвиста осуществляется в сфере судопроизводства, и потому она юридически детерминирована. Именно суд в конечном итоге является конечным потребителем экспертных «услуг» на рынке труда, оценивающим не только заключение эксперта как доказательство, но и профессиональное качество работы лингвиста. Игнорировать этот факт при проведении судебной лингвистической экспертизы контрпродуктивно.

Литература

- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2007.
- Баранов 2016 — А. Н. Баранов. Методы и методики в лингвистической экспертизе текста // О. В. Барабаш (ред.). Язык. Право. Общество. Сборник статей IV международной научно-практической конференции. Пенза, 11–13 октября 2016. Пенза: Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2016. С. 119–128.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: Изд-во Алтайской гос. пед. академии, 2009.
- Галяшина 2002 — Е. И. Галяшина. Использование специальных знаний в судопроизводстве // М. В. Горбаневский (ред.). Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002. С. 244–252.
- Галяшина 2003а — Е. И. Галяшина. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // М. В. Горбаневский (ред.). Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах

- и информационных спорах: материалы науч.-практич. семинара. Ч. 2. М.: Галерея, 2003. С. 48–64.
- Галяшина 2003b — Е. И. Галяшина. Основы судебного речеведения. М.: СТЭНСИ, 2003.
- Галяшина 2008 — Е. И. Галяшина. Современное состояние и актуальные проблемы судебной лингвистической экспертизы в России и за рубежом // Российское право в Интернете. 2008. № 3. URL: <http://rpi.msal.ru/prints/200803%20galyashina.html> (Дата обращения 22.04.2019).
- Галяшина 2016 — Е. И. Галяшина. Доступ к профессии эксперта и паспорт экспертной специальности // Эксперт-криминалист. 2016. № 2. С. 30–33.
- Галяшина 2017a — Е. И. Галяшина. «О болевых точках» лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Воронежские криминалистические чтения. 2017. № 2 (19). С. 121–131.
- Галяшина 2017b — Е. И. Галяшина. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р. С. Белкина) // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. Ч. 3. С. 33–39.
- Галяшина 2017с — Е. И. Галяшина. О допустимости методов судебной лингвистической экспертизы // Т. А. Кулибаев (ред.). Аубакировские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. 19 февраля 2017 г. Алматы: Қазақстан Республикасы Ішкі Істер Министрлігі Алматы Академиясы, 2017. С. 19–21.
- Комиссарова 2010 — Я. В. Комиссарова. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010.
- Кусов 2011 — Г. В. Кусов. Общие и частные задачи методологии судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 217–224.
- Подкатилина 2013 — М. Л. Подкатилина. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов. М.: Юрлитинформ, 2013.
- Россинская 2010 — Е. Р. Россинская. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз. Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 114–121.
- Соколова 2016 — Т. П. Соколова. Нейминговая экспертиза: организация и производство. М.: Юрлитинформ, 2016.
- Судебная экспертология 2017 — Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина (ред.). Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход). М.: Проспект, 2017.
- Судебно-экспертная деятельность 2017 — Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина (ред.). Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение: учебник для аспирантуры по специальности 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность». М.: Норма; ИНФРА-М, 2017.

- Цена слова 2002 — М. В. Горбаневский (ред.). Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.
- Чернышова 2012а — Т. В. Чернышова. Аналитико-экспертная деятельность: аспекты подготовки филолога-практика // Н. В. Панченко, Т. В. Чернышова, А. А. Чувакин (ред.). Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме: материалы Третьей международной научной конференции (Барнаул, 24–29 апреля 2012 г.). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2012. С. 315–318.
- Чернышова 2012b — Т. В. Чернышова. Методы исследовательской и практической деятельности в области коммуникации и текста как важнейшая составляющая подготовки бакалавра и магистра филологии // Филология и человек. 2012. № 4. С. 174–183.
- Чернышова 2015 — Т. В. Чернышова. Судебная лингвистическая экспертиза: аналитико-экспертная деятельность филолога-практика (Примерная программа профессиональной переподготовки педагогических работников общеобразовательных организаций) // Филология и человек. 2015. № 2. С. 177–183.

Источники

- Большой экономический словарь 2004 — А. Н. Азрилиян (ред.). Большой экономический словарь. 6-е, изд. доп. М.: Институт новой экономики, 2004.

References

- Baranov 2007 — A. N. Baranov. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic expertise of the text: theory and practice] Moscow: Flinta, Nauka, 2007.
- Baranov 2016 — A. N. Baranov. *Metody i metodiki v lingvisticheskoy ekspertize teksta* [Methods and techniques in linguistic text expertise]. O. V. Barabash (ed.). *Yazyk. Pravo. Obshchestvo. Sbornik statey IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza, 11–13 oktyabrya 2016* [Language. Right. Society. Collection of articles of the IV international scientific-practical conference. Penza, 11–13 October 2016]. Penza: Penza State University Press, 2016. P. 119–128.
- Brinev 2009 — K. I. Brinev. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza*. [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise.] Barnaul: Altai State Pedagogical Academy Press, 2009.
- Chernyshova 2012a — T. V. Chernyshova. *Analitiko-ekspertnaya deyatel'nost: aspekty podgotovki filologa-praktika* [Analytical and expert activity:

- aspects of practicing philologists' training]. N. V. Panchenko, T. V. Chernyshova, A. A. Chuvakin (ed.). *Kommunikativistika v sovremennom mire: effektivnost i optimizatsiya rechevogo vzaimodeystviya v sotsiume: materialy Tret'yey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Barnaul, 24–29 aprelya 2012 g.)*. [Communication studies in the modern world: efficiency and optimization of speech interaction in society: materials of the Third international scientific conference (Barnaul, April 24–29, 2012)]. Barnaul: Altai State University Press, 2012. P. 315–318.
- Chernyshova 2012b — T. V. Chernyshova. Metody issledovatel'skoy i prakticheskoy deyatel'nosti v oblasti kommunikatsii i teksta kak vazhneyshaya sostavlyayushchaya podgotovki bakalavra i magistra filologii [Methods of research and practice in the field of communication and text as an important component of bachelor and master of Philology]. *Filologiya i chelovek*. 2012. No 4. P. 174–183.
- Chernyshova 2015 — T. V. Chernyshova. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: analitiko-ekspertnaya deyatel'nost filologa-praktika (Primernaya programma professional'noy perepodgotovki pedagogicheskikh rabotnikov obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy) [Forensic linguistic examination: the analytical and expert activities of a practicing philologist (A sample professional retraining program for the teaching staff of general education institutions)]. *Filologiya i chelovek*. 2015. No. 2. P. 177–183.
- Galyashina 2002 — E. I. Galyashina. Ispolzovanie spetsial'nykh znaniy v sudoproizvodstve [Use of special knowledge in legal proceedings]. M. V. Gorbanevskiy (ed.). *Tsena slova. Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii* [The Words' Value: Linguistic Expert Opinion Requested in Connection with Honor, Dignity and Business Reputation Defense, Claims Against the Media]. Moscow: Galeriya, 2002. P. 244–252.
- Galyashina 2003a — E. I. Galyashina. Ponyatiynye osnovy sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy [Conceptual foundations of forensic linguistic expertise]. M. V. Gorbanevskiy (ed.). *Teoriya i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnykh ekspertizakh i informatsionnykh sporakh: materialy nauchno-prakticheskogo seminarara* [Theory and practice of linguistic analysis of media texts in forensic examinations and information disputes: materials of a scientific research and practice seminar]. Pt. 2. Moscow: Galeriya, 2003.
- Galyashina 2003b — E. I. Galyashina. Osnovy sudebnogo rechevedeniya. [*The Foundation of the court receivedany*]. Moscow: STENSI. 2003.
- Galyashina 2008 — E. I. Galyashina. Sovremennoe sostoyanie i aktual'nyye problemy sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy v Rossii i za rubezhom [Current state and actual problems of forensic linguistic expertise in Russia and abroad]. *Rossiyskoe pravo v Internetе*. 2008. № 3. Available at: <http://rpi.msal.ru/prints/200803%20galyashina.html> (accessed on 22.04.2019).

- Galyashina 2016 — E. I. Galyashina. Dostup k professii eksperta i pasport ekspertnoy spetsialnosti [Access to the profession of expert and passport of expert specialty]. *Ekspert-kriminalist*. 2016. No 2. P. 30–33.
- Galyashina 2017a — E. I. Galyashina. «O bolevykh tochkakh» lingvisticheskoy ekspertizy v ugovnom sudoproizvodstve ["On pain points" of linguistic expertise in criminal proceeding]. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya*. 2017. No. 2 (19). P. 121–131.
- Galyashina 2017b — E. I. Galyashina. Spetsialnye metody sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy i ekspertnye fantomy (razmyshleniya posle prochteniya kriminalisticheskikh rabot R. S. Belkina) [Special methods of forensic linguistic examination and expert phantoms (reflections after reading the forensic works of R. S. Belkin)]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 2017. Vol. 12. Pt. 3. P. 33–39.
- Galyashina 2017c — E. I. Galyashina. O dopustimosti metodov sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy [On the admissibility of forensic linguistic examination methods]. T. A. Kulibaev (ed.). *Aubakirovskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 19 fevralya 2017 goda* [Aubakirov reading. Materials of the international scientific-practical conference. February 19, 2017]. Almaty: Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, 2017. P. 19–21.
- Komissarova 2010 — Ya. V. Komissarova. Kontseptualnye osnovy professionalnoy deyatel'nosti eksperta v ugovnom sudoproizvodstve [Conceptual bases of professional activity of the expert in criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform, 2010.
- Kusov 2011 — G. V. Kusov. Obshchie i chastnye zadachi metodologii sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy [General and particular tasks of the methodology of forensic linguistic expertise]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2011. No. 5. P. 217–224.
- Podkatilina 2013 — M. L. Podkatilina. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza ekstremistskikh materialov [Judicial linguistic expertise of extremist materials]. Moscow: Yurlitinform, 2013.
- Rossinskaya 2014 — E. R. Rossinskaya. Genesis i problemy razvitiya novykh rodov i vidov sudebnykh ekspertiz [Genesis and problems of development of new genera and types of forensic examinations]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA)*. 2014. No. 3. P. 114–121.
- Sokolova 2016 — T. P. Sokolova. Neymingovaya ekspertiza: organizatsiya i proizvodstvo [Naming expertise: organization and production]. Moscow: Yurlitinform, 2016.
- Sudebnaya ekspertologiya 2017 — E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina (eds). Sudebnaya ekspertologiya: istoriya i sovremennost' (nauchnaya shkola, ekspertnaya praktika, kompetentnostnyy podkhod) [Forensic expertology: history and modernity (scientific school, expert practice, competency-based approach)]. Moscow: Prospekt, 2017.

- Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' 2017 — E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina (eds). Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost': pravovoye, teoreticheskoe i organizatsionnoe obespechenie: uchebnik dlya aspirantury po spetsialnosti 12.00.12 «*Kriminalistika; sudebno-ekspertnaya deyatel'nost'; operativno-rozysknaya deyatel'nost'*» [Forensic-expert activities: legal, theoretical and organizational support: a textbook for post-graduate studies in the specialty 12.00.12 "Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity"]. Moscow: Norma; INFRA-M, 2017.
- Tsena slova 2002 — M. V. Gorbanevskiy (ed.). Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po iskam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii [The Words' Value: Linguistic Expert Opinion Requested in Connection with Honor, Dignity and Business Reputation Defense, Claims Against the Media]. 3rd ed. Moscow: Galeriya. 2002.

Sources

- Bolshoy ekonomicheskiy slovar 2004 — A. N. Aprilian (ed.). Bolshoy ekonomicheskiy slovar [The Large Economic Dictionary]. Moscow: Institute of New Economy, 2004.